

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Historicolitteraria XIV (2014)

Lesława Korenowska

Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

Образ леса в немецком романтизме

Как следует из фундаментальных научных трудов о немецком романтизме, среди которых стоит выделить монографию К.Г. Ханмурзаева *Немецкий романтический роман* (Москва 1997), В.И. Грешных *Мистерия духа* (Калининград 2001) и А.Б. Ботниковой *Немецкий романтизм: диалог художественных форм* (Москва 2005), это явление не потеряло своей актуальности спустя двести лет. По-прежнему многих исследователей волнуют романтическая ирония, фантастичность, романтические пейзажи. Такая непреходящая заинтересованность объясняется тем, что многие романтические идеи оказались созвучны нашему времени. Как указывают авторы вышеназванных работ, неоспоримое влияние на возникновение романтизма в искусстве, музыке, литературе оказала Французская революция, ознаменовавшая собой конец эпохи Просвещения. Происшедшие события совершенно преобразили жизнь людей искусства. „Однако, – как пишет А.Б. Ботникова, – оптимизм был только исходной, начальной точкой романтического мироощущения, его скоро сменило разочарование как естественное следствие несбывшихся надежд. В смене настроений и проявила себя внутренняя подвижность романтического сознания”¹.

К. Бальмонт в своей статье *Романтики* даёт объяснение слова „романтизм”: „К разряду слов-формул, сразу вызывающих тот или иной образ или целый ряд образов, сразу и чрезвычайно четких, и совершенно неопределенных, относится слово *романтик, романтизм*. [...] впервые оно стало употребляться в половине XVII-го столетия в Англии. Самое раннее известное его употребление мы находим в 1654-м году: художник Эвелин называет место у подножья горы романтическим. Из Англии это слово перешло в XVIII веке во Францию и в Германию, ещё не став боевым лозунгом. Сначала романтический

---

¹ А.Б. Ботникова, *Немецкий романтизм: диалог художественных форм...*, http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=23309&p_page=1 (20.12.2013).

лишь означало *живописный, таинственный, сказочный, похожий на вымысел*. Немцы, всегда завладевающие чужими изобретениями, чтобы довести их до законченности и закрепить за ними своё имя, овладели и этим словом – романтический, чтобы создать школу, теорию, целый устав романтизма. Ещё в 1789-м году Фридрих Шлегель, один из основателей романтической школы в Германии, понимал это слово так общо, что писал: „Романтично всё превосходнейшее, всё действительно поэтическое в современной поэзии. Это такой ключ, которым можно отпирать любую дверь”².

Немецкий романтизм сформировался в самом конце XVIII века (1795–1799) и просуществовал до 20-х годов XIX века. В 1830-х годах он почти прекратил своё существование. Как литературное течение романтизм сформировался в Йене. В 1797–1801 годах там действовали братья Шлегель, младший из которых создал теоретические основы этого литературного направления.

Романтики противопоставляют девственную природу современным им социальным или государственным организациям. Эту идею они реализуют в своем творчестве благодаря обращению к миру сказок, в котором всегда царит гармония и добро побеждает зло. Но современный им человек, к сожалению, утратил эту гармонию. Недовольство реальностью выливалось нередко в мечты, сны, игру воображения и даже эскапизм (от англ. *escape* – бежать, спасаться, исчезать) – крайнюю форму углубления в виртуальный, придуманный мир. Некая доверчивость, присущая раннему романтизму, сменяется горечью измены, подозрительностью. Примером могут послужить строки из *Вдохновения* (1820) друга А. Пушкина барона А. Дельвига: „Яд во всем, что сердце дорожит”. Спасение видится в бегстве – эскапизме – в иные формы жизни, в роли которых могут выступать как различные культуры, воображаемые миры, сны-фантазии, изменённое состояние души, так и природа, в частности, лес. В данном случае бегство романтического героя в лес (поэзия Гёте. Новалиса, Эйхендорфа) мыслится как локус утешения, покоя, детского восхищения, более глубокого понимания как себя, так и окружающего мира. Романтики-эскапиты были не в состоянии охватить разумом разногласия между внешним миром и внутренним состоянием души, поэтому они прибегают не к воображаемому лесному пространству, а скорее к лесу из своего детства, воспоминаний и сказок.

Главная задача поэтов-романтиков состояла в том, чтобы заставить человека осознать разногласие между ним и природой. Поскольку эти явления касаются психики человека, а не реальной действительности, именно в ней и должны произойти изменения в человеке. В провозглашаемой Новалисом поэтической программе романтиков слышатся утопические нотки: „Со временем

---

² К.Д. Бальмонт, *Романтики*, [в:] К. Бальмонт, *Избранное*, составление, вступительная статья и комментарии к изданию Д.Г. Макогоненко, Москва 1990, с. 506–507.

история должна стать сказкой..."³. Идеальный мир, который хотели создать романтики, брал своё начало в фольклоре. Поэтому немецкие романтики с таким рвением и восхищением собирали народные жемчужины и составляли сборники народных сказок. В произведениях народного творчества страшная природа переплетается с милой и приятной для глаза, странное смешивается с наивным. Такие мысли нашли своё воплощение в работе Тика о Шекспире⁴, в которой автор говорит, что английский поэт обращался в своём творчестве к народным преданиям, сказкам, но отделял от них то, что наивное и простецкое, но при этом не лишая их волшебства и приключенчества. Свобода в творческом процессе – основа романтической эстетики. Нет ничего странного в том, что Тик считал фантастическое одним из его приёмов. Поэт использовал фантастические элементы, например, для того, чтобы демоническую природу представить в более умиротворенном, приятном виде.

Главными немецкими поэтами-романтиками считают Новалиса, Тика, Гёте и мы осмелимся также поставить в ряду этих выдающихся личностей поэта Йозефа фон Эйхендорфа. Остановимся на более подробном анализе творчества вышеназванных поэтов, чтобы проследить образ леса в их творчестве.

Людвиг Иоганн Тик (Johann Ludwig Tieck, 1773–1853), член йенского кружка романтиков, занимающийся переделкой и стилизацией средневековых „народных книг“, автор романа *Странствия Франца Штернбальда* (1798) и многих новелл.

Тема природы неоднократно звучит в произведениях Тика, можно даже сказать, является основой всего сущего. Слова „я слушаю“, „я слышу“, несомненно, передают желание героя „вчувствоваться“ в природу, познать её тайны. Герой романа Тика Франц Штернбальд, художник и энтузиаст, размышляет об ограниченных силах отдельной личности, противопоставляя их вечности, потому что его сердце стремится к гармонии с внешним миром. Романтик Тик видит взаимосвязь всего сущего, поэтому можно через растения познать человека, а человека – через растения. Природа у него наделяется чертами человека: она способна чувствовать. Одна из героинь говорит Штернбальду, что она видела, как под руками нехороших людей увядали растения, будто испытывая страх. История Франца Штернбальда у Тика не содержит ничего фантастического: исторические реалии выступают как декорация, а голосами художников Дюрера и Луки Лейденского сам Тик выражает свои взгляды на искусство. Горы, леса, благородные рыцари и прекрасные дамы – всё это предстает, прежде всего, в восприятии художника Франца, это его мир: не Германия начала XVI века, а некая романтическая страна, открывшаяся

---

³ Цит. по: G. Koziółek, *Niemiecka baśń romantyczna*, Wrocław 1994, s. 24 (перевод мой. – Л.К.).

⁴ L. Tieck, *Kritische Schriften. Zum erstenmale gesammelt und mit einer Vorrede*, t. I, Leipzig 1848, s. 39.

воображению художника, населённая образами, созданными его фантазией во время странствований.

Несомненного внимания заслуживает новелла *Белокурый Экберт* (1797) Тика, в которой мы знакомимся с главной героиней Бертой, девушкой, которая в восьмилетнем возрасте убежала из деревни в лес, а спустя некоторое время покинула его уже совсем взрослой. В лесу Берта находит приют у старухи, у которой всё, что её окружает, наделено сказочным светом: „Всё кругом было облитое нежнейшим пурпуром и золотом, вершины деревьев пылали в вечернем зареве; леса и ветви деревьев не колыхались, ясное небо подобно было отверстому раю”⁵. Старуха учит Берту радоваться уединению в лесу, а также приоткрывает девушке красоту камней, которые ей приносит говорящая птица:

Уединение в лесу, // Ты радуешь меня.
Ты завтра, как сегодня, // Во все времена,
О, как меня радует // Уединение в лесу.

В этих строчках выражена сущность романтического восприятия связи человека и природы. Сама Берта, не способная к практической деятельности, согласно романтической традиции, должна была олицетворять высокое духовное начало. Однако, живя в лесу, девушка начинает скучать, спустя некоторое время, повзрослев, убивает волшебную птицу и похищает драгоценные камни. Как видно, романтическое начало травестируется, приобретая новую окраску, так как у потенциально романтической героини лес вызывает страх; она ценит не саму красоту камней, а их денежную стоимость. В детские годы лес вызывал у неё трепетное чувство восхищения (как у чистых невинных душ), а в зрелом возрасте героиня поддается соблазну обладания ценностями. Городу (в который Берта убежала из леса и в котором познакомилась с Экбертом, её будущим мужем) и природе оказываются присущи равные начала обмана, меркантилизма и преступления.

Сказочное начало в новелле о реальных людях открывало перед Тиком возможность указать на неоднозначность человеческих характеров, а также ситуаций, в которые попадают люди. Август Вильгельм Шлегель провозглашал Тика „романтическим поэтом”.

Фридрих фон Гарденберг Новалис (Georg Friedrich Philipp von Hardenberg, 1772–1801), романтический философ и поэт, считавший поэзию единственной абсолютной реальностью, а мир – единым целым. В своих стихах поэт размышлял о религии, о свободе, о семье, обо всём, что нас окружает. Высказываясь намеками, полуфразами, он сохраняет интригу и в то же время рассказывает намного больше, чем другие творческие люди его времени.

---

⁵ Здесь и далее цит. по: Л. Тик, *Белокурый Экберт*, http://www.creator-tik.ru/ekbert_about.htm (22.12.2013).

В повести *Ученики в Саусе* (1798–1799) одной из главных тем является тема природы, прослеживаются внутренние связи человека и природы, тайны мироздания. Повесть написана (третья часть произведения осталась неоконченной) в форме диалогов и монологов учителя и учеников, направляющихся в Саус к храму Изиды⁶. Там они надеются получить истинные знания, приподняв покрывало богини. В первой главе повести *Ученик* мы встречаемся с её героем, который наблюдает природу и повсюду находит знакомое, „но только причудливо смешанное и соединённое”⁷. Под воздействием такого открытия в нём самом происходят изменения: он начинает замечать во всём взаимосвязь и совпадения. Вскоре герой перестаёт видеть что-либо в отдельности. Звёзды кажутся ему людьми, а люди – звёздами, камни – зверями, облака – растениями. В герое повести объединились все процессы восприятия: „он одновременно слушал, видел, осязал и мыслил”⁸. Особый интерес представляет вторая глава повести *Природа*, в которой читатель знакомится со сказкой о *Гиацинте и розе*. В ней автор искусно раскрывает разные типы отношений человека к природе. Время действия в сказке – Золотой век, когда человек и природа жили в полной гармонии и согласии, когда можно было говорить с деревьями и скалами; когда человек и природа образовывали чудесное единство. Замечательным гимном природе звучат слова Новалиса: „О, если бы человек понял внутреннюю музыку природы и имел чувство для внешней гармонии. Но он едва знает, что мы вместе принадлежим одному, и ничто не может существовать без другого... Настоящий разгадчик тайнописи природы, быть может, придет к тому, что заставит различные силы природы создать одновременно красивые и полезные явления, он будет фантазировать на природе, как на великом инструменте, и все же он не поймет природу. Это задача естествоиспытателя, чтеца времен”⁹.

Следующая незаконченная повесть Новалиса *Генрих фон Офтердинген* (1799–1800) повествует о поисках голубого цветка, способного вызывать к себе нежность. Главный герой повести Генрих – сын плотника, мечтательный

---

⁶ Статуя Исида (Изида) украшалась изображением солнца, луны, звезд и многими эмблемами, относящимися к земле, которой Исида, согласно легендам, правила как персонифицированный дух хранителя Природы. Несколько изображений Исида хорошо сохранились; они содержали надписи о её благородстве. Согласно древним философам, она символизировала Универсальную Природу, мать всех её созданий. Божество обычно представлялось в виде частично обнаженной женщины, нередко беременной, часто прикрытой одеждами зелёного или чёрного цвета или же четырёх перемешанных меж собой цветов – чёрного, белого, жёлтого и красного [в:] М.П. Холл, *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии*, гл. VII Символы Исида, <http://manly-p-hall.narod.ru/index03.html> (21.12.2013).

⁷ Ф. Новалис, *Ученики в Саусе*, <http://www.novalis.ru/ucheniki.htm> (21.12.2013).

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: К.Д. Бальмонт, *Романтики...*, с. 509.

юноша, которому во сне приснился голубой цветок, пускается в странствия, чтобы найти его. Уместно здесь высказывание Бальмонта о том, что „каждый истинный романтик должен быть путником, ибо только в путях и странствиях завоевываешь мир и себя”¹⁰. Генриху приходится многое увидеть на пути в Аугсбург, пройти леса Тюрингии, кишасшие разбойниками, познакомиться с магом и вдохновенным поэтом Клингсором, влюбиться в его дочь Матильду и горевать о её гибели. Юноше даже „переживате” смерть и нечто вроде реинкарнации, чтобы родиться заново, но уже в то время и в том месте (согласно Новалису, это средние века и Атлантида – страна поэтов), в котором царит гармония человека с природой, где человек способен понимать язык птиц, зверей и деревьев в лесу.

Иоганн Вольфганг Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 1749–1832). Немецкий поэт, родившийся и выросший во Франфурте-на-Майне, вобрал в себя готический облик своего города и его средневековый дух. Как всесторонне одаренная личность Гёте зрением художника зорко улавливал мельчайшие краски и прелести родной природы. Е.А. Баратынский очень метко охарактеризовал Гёте:

С Природой одною жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье. (*На смерть Гёте*, 1833)¹¹

Ранняя лирика Гёте была написана в стиле галантного рококо, с которым немецкий поэт расстался после встречи в Страсбурге с Гердером¹². Увлекаемый идеями Гердера, молодой Гёте совершенно меняет свой поэтический стиль и свои убеждения. Гердер, признанный идеолог течения „Бура и натиск”, внушал литературной пастве, что не холодный рассудок, а горячее сердце творит язык поэзии – и не по прописям классицизма, а изнутри. Благодаря его идеям Гёте понял, что источником подлинной поэзии является народное творчество. Под влиянием Жан-Жака Руссо (1712–1778) Гёте проникся стремлением приблизиться к природе. Его литературными кумирами становятся поэты, сочетающие величие и естественность чувства с близостью к природе – Гомер, Шекспир и Оссиан (кельтский бард раннего средневековья, под именем которого шотландец Джеймс Макферсон издал написанные им поэмы). Именно в это время происходит формирование Гёте как совершенно самостоятельного художника.

Обращает на себя внимание юношеское прозаическое произведение Гёте *Гец фон Берлихинген с железною рукою* (1773). Главный герой, легендарный

¹⁰ Там же.

¹¹ Е.А. Баратынский, *Полное собрание стихотворений в 2-х томах*, т. 1, Москва 1936, с. 174.

¹² Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий историк культуры, который считал своей задачей всё рассматривать с точки зрения духа своего времени, критик, поэт второй половины XVIII века.

рыцарь Гец фон Берлихинген возглавляет крестьянское восстание, находит свободу не в мире людей, но в смерти, в слиянии с „матерью-природой”. Когда герой произведения взывает перед смертью свободу и воздух, – это не только риторическая драпировка, прикрывающая его трагически бесславную гибель. Гец не умер от ран в тюремном саду в 1525 году, а мирно почил в родовом замке в 1562 году, написав неповрежденной левой рукой свои покаянные мемуары, легшие в основу гётевского произведения.

Несомненный интерес вызывает баллада *Лесной царь* (1782), повествующая об отношении человека к природе; о страхе, который испытывают люди перед неизвестными явлениями лесного мира. Такое восприятие природы было распространено в античности и в средние века. Во времена Гёте всё непонятное было связано с божественными силами: молнией, грозой, бурей и т.д., а это порождало суеверие. В каждой лесной чащобе виделись волшебные существа: добрые и злые. Вот и маленькому мальчику, который скачет на лошади с отцом через лес, кажется, что в этом пространстве живет какой-то „лесной царь”, который хочет его схватить. В каждом кустике, в каждом дереве мальчику чудится угроза. В шелесте ветра он слышит голос „лесного царя”. Мальчик ещё крепче прижимается к отцу и шепчет в испуге: „Родимый, лесной царь со мной говорит: Он золото, перлы и радость сулит” (118)¹³. Время возвращения отца и сына – поздняя пора, окутанная теменью и мраком, – также усугубляет страх младенца. Лирический герой панически боится леса: ему кажется, что тёмный лес с белым туманом – это и есть „лесной царь с седой бородой” (118), у которого в услужении страшные звери и загадочные существа. Свита лесного царя для него – враг, который хочет на него напасть. В то время, когда Гёте писал свою балладу, как указывалось, у простых людей было много суеверных представлений о лесе. В каждом доме детям рассказывались сказки о дремучих лесах, в которые лучше не ходить, потому что там водятся страшные звери и хтонические существа. Не удивительно, почему мальчик дрожит от страха. В лесном шуме ему чудится угроза: „Дитя, я пленился твоей красотой: Неволей иль волей, а будешь ты мой”. **Кроме „золота и перлов”** лесной царь обещает ему сладкий сон: „Ко мне мой младенец! В дуброве моей // Узнаешь прекрасных моих дочерей; // При месяце будут играть и летать, // Играя, летая, тебя усыплять” (119). **И как только отец ни убеждал сына**, что все это только ему кажется, ужас перед таинственной и незнакомой природой оказался сильнее, чем слова родного отца. Мальчик дрожит от страха, чувствуя реальную опасность от видимого его внутренним зрением лесного царя. Поэтому младенец не говорит с отцом, а скорее кричит: „Родимый, лесной царь нас хочет догнать. // Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать. // Ездок оробелый не скачет, летит. // Младенец тоскует, младенец кричит” (119). **В конце концов, малыш не выдерживает.** Подсознательный

---

¹³ И.В. Гёте, *Избранные произведения в двух томах*, т. 1 (*Лесной царь* – перевод В.А. Жуковского, номер страницы указан здесь и далее в скобках), Москва 1985.

страх человека перед природой делает его слабым и беззащитным. Ужас был так велик, тёмный холодный лес так его пугал, что мальчик умер прямо на руках у своего отца: „Ездок погоняет, ездок доскакал... // В руках его мёртвый младенец лежал” (119).

Игорь Клевх в статье о Ницше вспоминает о *Лесном царе* Гёте, вернее о том, какое воздействие на читателей, в частности, на детей, производила баллада немецкого романтика. „Неразумные матери из образованных семей часто читали вслух своим малолетним чадам это прекрасное стихотворение Гёте, доводя их до рыданий и нервного срыва. Не только в Германии и не только в XIX веке художники, отмеченные печатью гибели (от Эдгара По до Кафки и Цветаевой), как бы „инфицировались” этой балладой – об отце, скачущем ночью верхом, с ребенком на руках, сквозь оживающий дремучий лес”¹⁴.

Еще одним ярким представителем немецкого романтизма, в творчестве которого прослеживается „лесная” тематика, является поэт **Йозеф фон Эйхендорф** (Joseph Karl Benedikt Freiherr von Eichendorff, 1788–1857). А.М. Кослер вспоминает в своей книге о жизни Эйхендорфа: „Никто из многочисленных певцов этой страны [родился в Силезии. – Л.К.] не описал красивее полных очарования цветущих долин, зелёных холмов, тенистых ущелий и бесконечной дали голубого неба”¹⁵. После окончания гимназии во Вроцлаве, в конце апреля 1805 г., Йозеф вместе со своим братом прибывают в Халл (Австрия), чтобы учиться в университете на юридическом факультете. Огромное впечатление производит на молодых людей присутствие в Халл Гёте, лекции по античной литературе с профессором Фридрихом Августом Вольфом и природы. Братья Эйхендорф бывали в доме Шлегеля. В 1807 году выходят стихи Эйхендорфа, среди которых наиболее известны *Прощание охотников* и *Прощание*. С 1808 г. по 1809 г. поэт переживает кризис своего чувствования мира природы и мышления, который проявляется в стихах о поэте, поэзии, природе. Воодушевлением для молодого поэта стали народные немецкие песни, которые были собраны и изданы в 1806 и 1808 годах Людвигом Иоахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано в нескольких томах под заглавием *Чудесный рог мальчика*. Сам Эйхендорф также собирал и записывал народные сказки. Первый том его труда – *Детские и домашние сказки* – был издан в 1812 г. Поменяв несколько профессий, начиная от учителя в Вене до ассесора в Берлине, Эйхендорф чувствует, что напрасно тратит свои силы на государственную службу, желая заняться литературным трудом. Биографы поэта указывают на некоторые факты, связанные с неудачными попытками Эйхендорфа занять должности в Министерстве иностранных дел и профессора истории в университете в Бонне, которые могли бы повлиять на характер творчества поэта, делая более его пессимистическим и меланхоличным.

¹⁴ И. Клевх, *Сверхчеловеческое, слишком сверхчеловеческое*, „Иностранная литература” 2008, № 3, с. 299.

¹⁵ А.М. Kosler, *Nasz Eichendorff. Szkic życia poety*, Opole 1998, s. 9 (перевод мой – Л.К.).

При жизни поэта были изданы его первая повесть *Предчувствие и современность* (1810), новелла *Негодник* (1823), эпические поэмы *Юлиан* (1853), *Роберт и Квискард* (1855), *Луциан* (1857). Однако до последних лет своей жизни Эйхендорф остался поэтом природы – „природа говорит с ним, потому что он знает „волшебное слово“, позволяющее ей говорить”¹⁶. Лирика немецкого романтика почти полностью исчерпывается темами природы и любви, в разработке которых поэт достигает подлинной лирической проникновенности и непосредственности, богатства и разнообразия оттенков. В поэтическом наследии Эйхендорфа прослеживается постоянное обращение к лесу с берегов Одры, образ которого врезался в память поэта ещё в детстве.

Pamiętasz zamek nasz na cichym szczycie?
 Róg tam nocami gra, jakby cię wołał,
 Nad jarem sarna pasie się o świcie,
 Las w dole szumi tajemniczo zgoła...
 (*Ziemia rodzinna, Mojemu bratu*, 109)¹⁷

Описывая потерю родной земли, поэт „сделал лес одновременно образом свободы и потерянности в мире. То, что действительно затерялось вследствие экономической модернизации: одиночество среди пейзажей, безопасность и темнота леса, походы выживания [...], всё это, эстетически обработанное, воскресало в работах Эйхендорфа”¹⁸. Переживания поэта исключаются из какого-либо конкретного исторического контекста. Лирические герои Эйхендорфа с их чувствами, любовью и эмоциями почти всегда оказываются наедине с природой. Одиночество героя – обычное его состояние, оно заставляет особенно сильно и остро чувствовать окружающую природу. Поэтому так естественно возникает столь присущий и для народной поэзии параллелизм чувств и настроений лирического героя и картин природы. Характерным для лирики Эйхендорфа является то, что природа в его стихах живёт как бы своей особой эмоциональной жизнью. Поэт использует своеобразный пантеизм народной песни для выражения романтического ощущения природы.

Gdy Bóg ci łaskę chce okazać,
 Wysyła ci w szeroki świat,
 Wśród lasów, gór i pól pokazać
 On tobie swoje cuda rad.
 (*Radosny wędrowiec*, 99)

¹⁶ Там же с. 47.

¹⁷ Фрагменты стихов цит. по: V. Stein, *Joseph von Eichendorff*, przeł. E. Pietrzak, Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn, Würzburg 2001.

¹⁸ Там же, с. 13 (перевод мой – Л.К).

Оставаясь романтиком до конца своих дней, Эйхендорф мысленно возвращался к тому месту-идиллии, в котором познал первые детские радости, запахи и звуки родной природы, красоту лесов и которые навсегда стали для него источником вдохновения. „Уже дымящийся змей поезда проскользнул в исчезающие долины, вместо локомотива свистели лесные птицы, так же, как и много-много лет тому назад, когда будучи студентом я хотел посмотреть мир, и как будто спрашивали меня, где я был так долго. Всё выше в торжественном шуме леса по крутой тропинке для пеших [...] я взобрался на последнее возвышение”¹⁹, – читаем мы в дневнике поэта, для которого лес всегда был полон таинственного опьянения, сонной тишины („лес шумел тихонько, как во сне”²⁰), романтического блаженства и очарования.

В итоге можно сказать, что немецкие романтики ввели две категории в сферу мышления. Они научили видеть неповторимую красоту природы – в удивительных формах и величии, в тишине и страхе, а также связали своё и её предназначение с историей. На страницах художественных произведений появляется лес, причем с двойным содержанием: лес, в который никогда не ступала нога человека; и лес, который пересекает границы незначительной человеческой хронологии. Слово „природа” становится наиболее частым в употреблении в эпоху романтизма. Характерно, что романтики заметили большой живущий в ней организм, связанный нитью взаимных симпатий и зависимости. С тех пор природа становится как бы самостоятельной: её начинают воспринимать не только в союзе с человеком. Природа перестаёт быть фоном, на котором разыгрывается драма человеческого предназначения, приобретая значение места, в котором реализуется его сущность. „Изгнание человека из природы” является одной из главных идей романтизма.

Неслучайно романтики вводят в литературу дикий, безлюдный лес, который подчиняется только собственным законам. Лес романтиков – это лес, который получил автономию и некоторую самостоятельность. Очень часто лес вторит состоянию души романтического героя: мрачным шелестом ветвей, тенью деревьев, свистом ветра и т.п. Образ леса несёт или спокойствие, или усугубляет волнение и переживание героя.

Лес романтиков – это лес одновременно близкий и далекий. Объект культа и тревоги – он храм природы. Близкий потому, что является как бы хроникой человеческой истории. Этот природный фактор является показателем народной мифологии, местом, где записывается общая судьба людей²¹. Лес романтиков – это объект медитации, эстетических эмоций. Следует заметить,

---

¹⁹ J. von Eichendorff, *Niegdys przeżytem / Erlebtes*, edycja dwujęzyczna, przeł. W. Kunicki, Kraków 2007, s. 77 (перевод мой – Л.К.).

²⁰ Там же.

²¹ См. об этом: *W głębi lasu. Las w polskiej literaturze i sztuce*, komitet red.: E. Bernadzki, A. Brzezicki, F. Krysik, Z. Neugebauer, Wybór literatury: K. Czarny i T. Komendant, Warszawa 1985, s. 151–152 (перевод мой – Л.К.).

немецкие писатели-романтики отказались от „мемизма – принципа подражания природе, который ещё со времен Аристотеля составлял основу всех эстетических установок европейского искусства”²². Поэтому лес как волшебная формула живёт в нашей памяти. Как отмечает в своей монографии о немецком романтизме как диалоге художественных форм Ботникова, романтизм был не только „переворотом в художественной мысли. Это был, прежде всего, переворот в мироощущении, в свою очередь, изменивший все: представление о человеке и природе, о соотношении искусства и жизни, о перспективах социальных преобразований. Не случайно А. Блок назвал романтизм „шестым чувством”. Переворот затронул даже сферу личных форм отношений, форм человеческого поведения, характер общения между людьми. Изменению подверглись и эстетические представления. Романтизм действительно явился революцией не только в искусстве, но и во всей культурной жизни европейских стран”²³.

Романтические мечты о побеге в природу зачастую воплощались в образах девственного леса, становившегося развёрнутой метафорой вышеупомянутого „изначального хаоса”. Всё неясное, иррациональное, загадочное в природе, обществе, а главное, в человеческой психике превращалось в тёмные лесные уголки, где стремилась „заблудиться” фантазия немецких романтиков.

Литература

- Бальмонт К.Д., *Романтики*, [в:] К. Бальмонт, *Избранное*, составление, вступительная статья и комментарии к изданию Д.Г. Макогоненко, Москва 1990.
- Баратынский Е.А., *Полное собрание стихотворений в 2-х томах*, т. 1, Москва 1936.
- Ботникова А.Б., *Немецкий романтизм: диалог художественных форм...*, http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=23309&p_page=1,2,7 (22.12.2013).
- Гёте И.В., *Избранные произведения в двух томах*, т. 1, Москва 1985.
- Новалис Ф., *Ученики в Саусе*, <http://www.novalis.ru/ucheniki.htm> (21.12.2013).
- Тик Л., *Белокурый Экберт*, http://www.creator-tik.ru/ekbert_about.htm (22.12.2013).
- Eichendorff J. von, *Niegdyś przeżyłem /Erlebtes*, edycja dwujęzyczna, przeł. W. Kunicki, Kraków 2007.
- Клех И., *Сверхчеловеческое, слишком сверхчеловеческое, „Иностранная литература”* 2008, № 3, s. 298–301.
- Kosler A.M., *Nasz Eichendorff. Szkic życia poety*, Opole 1998.
- Kozielek G., *Niemiecka baśń romantyczna*, Wrocław 1994.
- Stein V., *Joseph von Eichendorff*, przeł. E. Pietrzak, Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn, Würzburg 2001.
- Tieck L., *Kritische Schriften. Zum erstenmale gesammelt und mit einer Vorrede*, t. I, Leipzig 1848, s. 39.
- W głąb lasu. Las w polskiej literaturze i sztuce*, komitet red.: E. Bernadzki, A. Brzezicki, F. Krysiak, Z. Neugebauer, Wybór literatury: K. Czarny i T. Komendant, Warszawa 1985.

²² А.Б. Ботникова, *Немецкий романтизм...*

²³ Там же

The vision of the forest in the German Romanticism

Abstract

The German Romantics were the first to discover the unique beauty of nature - in surprising shapes and sizes, in silence and fear, but also linked their and its destiny with history. In works of fiction such poets as L. Tieck, F. Novalis, J. Goethe and J. Eichendorff there is a forest with double headings: the forest in which the human leg had never trod, and the forest which exceeds the insignificant at first glance history of mankind.

The German Romantics bring to literature a wild uninhabited forest, which is ruled only by its own laws. The forest of the Romantics is a part of nature, which has received some autonomy and independence. Very often, the forest reverberates in the soul of a romantic character: grim noise of the branches of trees, piercing sound of the wind etc. The vision of the forest bears the peace or intensifies the feelings of loneliness and pessimistic emotions lyrical character.

The forest of the German poets of the Romantic era is the forest which is at the same time near and far. It is both the object of worship and anxiety – it is the temple of nature and the object of meditation, aesthetic emotions as well as a chronicle of the history of mankind.

Ключевые слова: немецкий романтизм, фольклор, лесное пространство, романтическое восприятие природы, самостоятельность природы, автономность лесных образов, объект медитации.

Key words: German Romanticism, folklore, forest, the romantic perception of nature, an independence of nature, forest visions autonomy, the object of meditation